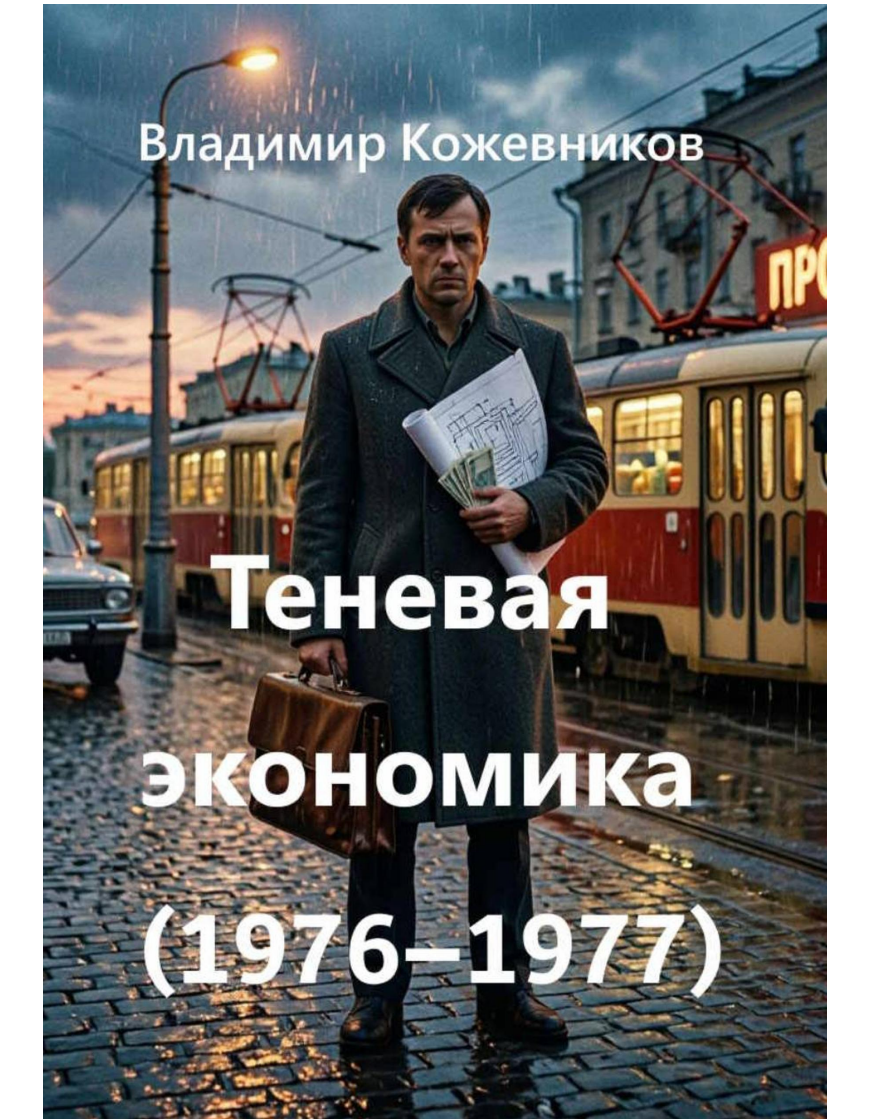

A man in a dark coat stands on a wet cobblestone street in the rain. He holds a brown leather briefcase in his right hand and a rolled-up document with some cash tucked inside in his left. In the background, a red and white tram is visible, along with a street lamp and buildings. The scene is dimly lit, suggesting dusk or dawn.

Владимир Кожевников

**Теневая
экономика
(1976–1977)**

Владимир Кожевников

Теневая экономика (1976–1977)

<https://litres.ru/74344747>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 1976 год. Инженер-программист Дмитрий Соколов, перенесённый в прошлое из XXI века, уже год пытается найти своё место в чужой эпохе. Но его прошлое настигает: влиятельный партийный чиновник Баранов, не простивший поражения, готовит новый удар — на этот раз по экономическим статьям. Чтобы защитить себя и близких, Дмитрий вступает на опасную тропу теневого бизнеса. Джинсы, электроника, связи с цеховиками и фарцовщиками — он быстро учится правилам игры, где каждый шаг может стать последним. Но когда к делу подключаются КГБ и частный детектив, ставки становятся смертельными. Дмитрию приходится балансировать между легальностью и криминалом, между любовью и долгом, искать союзников среди врагов. Вторая книга цикла «Перенос» — это захватывающая история о выживании, компромиссах и борьбе за место под солнцем в мире, где система не прощает ошибок. Сможет ли современный человек изменить прошлое, не разрушив себя?

Содержание

Глава 1. Предел	4
Глава 2. Знакомство с цехом	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Владимир Кожевников

Теневая экономика

(1976–1977)

Глава 1. Предел

Август 1976 года выдался душным — таким, когда даже тени не спасали, а воздух казался густым, как кисель. Дмитрий Соколов стоял у окна своей однокомнатной квартиры на улице Строителей и смотрел, как дворовые мальчишки гоняют мяч в облаке пыли, поднимавшейся из-под их босых ног. Прошло больше года с того дня, как он очнулся на кушетке в милицейском участке на Тверской. Год — и он почти перестал вздрагивать при звуке шагов на лестничной клетке. Почти.

За спиной тикали настенные часы «Янтарь» с кукушкой, которую он так и не научился заводить — кукушка вылетала в случайные часы, и Дмитрий уже привык к её внезапным появлениям, как к чему-то естественному. На столе — наполовину пустая пачка «Беломора», запах дешёвого табака смешивался с ароматом нагретой пыли из открытой форточки. Рядом — вчерашняя «Правда»: «Товарищ Брежнев встретился с делегацией...», «Успехи пятилетки...», «Борь-

ба за мир...» Газеты, которыми люди заполняли пустоту полков, создавая иллюзию наполненной жизни. Дмитрий уже научился читать между строк — там, где официальные фразы заканчивались, начиналась настоящая жизнь, о которой не писали.

Он отвернулся от окна и прошёл на кухню, где на плите шипел старый чайник. За год он устроился в НИИ «Геофизика», стал инженером, получил премию за рацпредложение, которое ускорило обработку сейсмических данных на тридцать семь процентов. Начальство хвалило, коллеги по-разному относились — кто-то с уважением, кто-то с завистью, кто-то с опаской. Но Баранов, функционер из министерства, не успокоился. Месяц назад Лавров из ГКНТ вмешался и заставил Баранова отозвать жалобу — но Дмитрий знал: это лишь передышка. Такие, как Баранов, не прощают унижений. Они ждут, копят, ищут новую лазейку.

В последние дни Дмитрий замечал, что у его подъезда слишком часто останавливается одна и та же серая «Волга» с затемнёнными стёклами. Она появлялась вечером, когда он возвращался с работы, и исчезала к ночи. И пару раз, когда он заходил в вестибюль, там сидел человек с газетой, который не поднимал глаз, но явно следил за дверью. Пока это было просто наблюдение — но завтра могло стать обыском.

Мысли прервал настойчивый звонок в дверь — три коротких, два длинных, условный сигнал, который они с Серёжей придумали после первой проверки. Дмитрий подошёл

к глазку — на площадке стоял Серёжа Королёв, его коллега из вычислительного центра. Тот самый, что поддержал его во время самых тёмных дней, когда другие отворачивались, боясь, что их тоже заподозрят. Серёжа был взбудоражен, лицо покраснелось от быстрой ходьбы, в руках потрёпанный портфель, из которого торчал край тетради. За его спиной в приоткрытой двери соседней квартиры кто-то кашлянул и тут же закрыл дверь.

— Дима, открывай! Новости есть. И не радостные, — голос у Серёжи был сдавленный, как будто он бежал весь путь от метро.

Дмитрий снял цепочку, распахнул дверь. Серёжа ввалился внутрь, даже не поздоровавшись, прошёл на кухню, не снимая плаща, сел на табурет, вытер лоб клетчатым платком. За окном раздался звон трамвая и детский вопль — мальчишки забили очередной гол, не обращая внимания на вечернюю духоту.

— Слушай, — начал он, понизив голос до шёпота, — Витька из гравиметрии вчера напился в дежурке и проболтался. Баранов через человека из министерства готовит новую проверку. Не по биографии — по экономике. Хотят найти незаконные доходы. Статья сто пятьдесят третья УК РСФСР — нетрудовые доходы.

Дмитрий стиснул зубы так сильно, что заныла челюсть. За эту статью давали до пяти лет исправительно-трудовых лагерей. Он знал по документальным фильмам, по рассказам, по

книгам, как ломали людей по таким обвинениям — выбивали показания, заставляли оговаривать себя и других, отправляли в лагерь, откуда многие не возвращались.

— Но у меня нет никаких доходов кроме зарплаты, — сказал он, хотя сам понимал, как наивно это звучит.

— А докажи. — Серёжа усмехнулся горько, и в этой усмешке было столько усталости, что Дмитрий вдруг увидел, как постарел его друг за последние месяцы. — Им достаточно одного подозрения. Они могут завести дело, обыскать квартиру, вызвать соседей. Помнишь, как они Ирину таскали? Снова начнут всех опрашивать: Ирину, меня, Титова, даже уборщицу. Баранову нужен не факт, а рычаг. Чтобы ты зависел от него, чтобы делал, что скажут.

Дмитрий посмотрел в окно. Солнце уже коснулось крыш, свет стал густым, янтарным, как старое фото из семейного альбома. Двор постепенно пустел: мальчишки расходились по домам, женщины убирали бельё с верёвок, где-то зажглась первая лампа. Мирная картина, за которой стояла холодная угроза.

— Что ты предлагаешь? — спросил он, хотя уже догадывался, что будет дальше.

Серёжа оглянулся на дверь, прислушался к тишине и достал из портфеля тетрадь в дерматиновом переплёте. На обложке было выведено каллиграфическим почерком: «Конспекты по геофизике». Но внутри оказались столбцы цифр, адреса и имена, записанные мелким, убористым почерком

— такие записи можно было прочесть только под лупой.

— Это схема, — сказал Серёжа, понижая голос до едва слышного. — У меня есть знакомый из ателье — Леонид, бывший технолог. Он может доставать ткани оптом: чешский деним, польский вельвет, итальянский трикотаж. Я знаю человека, который шьёт на дому — тётя Зина, бывшая портниха из Дома моделей. Если организовать цепочку — ткань, пошив, сбыт через проверенных людей — можем зарабатывать от трёхсот рублей в месяц на брата. Это в два с половиной раза больше твоей зарплаты.

Дмитрий откинулся на спинку стула. Три сотни — в 1976-м это были огромные деньги. На них можно было купить не только продукты, но и связи: подарки нужным людям, билеты в закрытые распределители, доступ к дефициту, который открывал двери в кабинеты. Но цена была высока — срок по сто пятьдесят третьей статье. Он вспомнил, как в своём времени читал о цеховиках — о людях, которые строили империи в тени, о тех, кто создавал экономику, которой официально не существовало. И теперь он стоял на пороге того же выбора.

— Если нас вычислят, что будет с тобой? — спросил Дмитрий. — У тебя же дочка.

Серёжа побледнел, сжал пальцы в кулак так, что побелели костяшки.

— Это ради неё и начинаю. — Он достал из кармана смятую фотографию девочки лет пяти с бантом, снятую в фо-

тоателье на фоне фальшивого леса. — За квартиру платить нечем, жена на больничном, я в долгах как в шелках. Если ничего не делать, через два месяца нас выселят. А если рискнуть — может, выплывем.

Дмитрий смотрел на снимок, потом на Серёжу. В его глазах читалось не просто отчаяние — отчаянная решимость. Такой человек не остановится, если сказать «нет». Он пойдёт один и наверняка попадётся. И тогда его дочь останется без отца.

— Джинсы, — сказал Дмитрий тихо. — Это хорошо. Но есть идея лучше.

Серёжа насторожился.

— Какая?

— Электроника. Ремонт и модернизация. В институте я вижу, сколько людей мучаются со старой техникой: телевизоры «Рубин», магнитофоны «Дніпро», радиолы «Ригонда». Мастера в сервисных центрах умеют только менять лампы и резисторы по схемам, а я могу делать то, чего не умеет никто. У меня есть схемы, есть понимание, как улучшить звук, картинку, надёжность. Если мы предложим услугу не просто починить, а модернизировать — мы станем уникальными. За это платят в разы больше. И это не джинсы — это технология. Это то, чего в СССР почти никто не делает.

Серёжа моргнул, потом улыбнулся широко, но нервно, облизнув пересохшие губы. Он явно не ожидал такого поворота.

— Ты серьёзно? Электроника — это ж дефицит, запчасти контрабандой не достать.

— Достать можно, — сказал Дмитрий. — Я знаю, где на радиорынке продают детали, если знать, куда идти и с кем говорить. И я могу делать их сам — паять микросхемы, переделывать блоки питания. В институте есть старые приборы, которые списывают, — можно брать их по дешёвке и разбирать на детали. Всё легально, если оформлять как учебные пособия.

Он подошёл к шкафу, достал старый блокнот в клеёнчатой обложке, открыл на странице с набросками принципиальных схем. Он рисовал их ночами, когда не мог уснуть от тревоги — так он успокаивал нервы, возвращаясь к знакомому миру формул и расчётов.

— Вот, смотри. Усилитель на транзисторах для «Ригонды», модернизация блока развёртки для «Рубина». Я могу сделать так, что старый телевизор будет показывать, как новый. А если добавить блок цветности — вообще, как импортный.

Серёжа заглянул в блокнот, и его глаза расширились. Он не понимал схем до конца, но видел цифры, расчёты, аккуратные стрелки — всё это выглядело солидно и профессионально.

— Дима, — сказал он медленно, — если ты это умеешь, мы не просто заработаем. Мы станем людьми, у которых будут просить. А тот, у кого просят, — тот и решает.

— Именно, — кивнул Дмитрий. — Но сначала джинсы. Чтобы наладить сбыт, понять рынок, завести клиентов. И потом — электроника. И, возможно, через год — нечто большее. У меня есть идея, которая может перевернуть рынок бытовой техники в СССР. Но об этом позже.

Серёжа посмотрел на него с новым выражением — не просто дружеским, а почтительным. Он убрал фотографию в карман, аккуратно, как реликвию, и кивнул.

— Ладно. Я завтра встречаюсь с Леонидом. Пойдём вместе, познакомлю. А послезавтра — к тёте Зине. Посмотрим, что она скажет.

— Только тихо, — предупредил Дмитрий. — Никаких разговоров в институте. Никто не должен знать. Ни Титов, ни тем более Витька из гравиметрии.

— Я понимаю.

Они пожали руки. Ладонь у Серёжи была влажной, но рукопожатие крепким. Он ушёл, оставив после себя запах дешёвого одеколona «Шипр» и свежего беспокойства. Дмитрий остался один. Он снова подошёл к окну. Сумерки сгущались, где-то вдалеке гроыхнула гроза — тяжёлые тучи ползли со стороны области, неся запах мокрой земли и озона.

Дмитрий закрыл глаза. В груди боролись страх и азарт. Он собиpался нарушить закон, создать подпольную сеть, обмануть систему, которая уже пыталась его уничтожить. Но отступать было некуда. Баранов сжимал кольцо, а без денег и

связей он оставался бессильным.

Он сжал кулаки, почувствовав, как ногти впиваются в ладони, и прошептал в пустоту:

— Значит, будем играть. Но по моим правилам. И если они хотят поймать меня на экономике — я им покажу экономику, которую они не поймут.

За окном сверкнула молния, и через секунду грянул гром — такой сильный, что дрогнули стёкла. Дмитрий не вздрогнул. Он стоял и смотрел, как ливень обрушивается на пыльные крыши, как вода смывает вековую грязь с асфальта, и в этом шуме ему слышалось начало новой игры — опасной, грязной, но единственно возможной.

Глава 2. Знакомство с цехом

На следующий день, в понедельник, Дмитрий с трудом дождался конца рабочей смены. Солнце за окнами вычислительного центра уже клонилось к западу, отбрасывая длинные тени на старые шкафы с перфокартами — они стояли здесь с шестидесятых, видали виды, и никто уже не помнил, что хранится в их глубинах. Серёжа подошёл к его столу в пять часов, когда большинство сотрудников уже разошлись, и коротко кивнул:

— Леонид ждёт. Выходи через проходную отдельно, я подойду через десять минут. Встречаемся у «Союзпечати» на углу.

Дмитрий медленно собрал вещи — задержался в коридоре, делая вид, что изучает стенд с плакатами о технике безопасности, хотя в голове уже прокручивал сценарии. На самом деле он прислушивался к шагам и голосам — никто не обращал на него внимания. Он вышел на улицу, купил у киоска «Литературную газету» и встал у витрины, просматривая заголовки, хотя глаза не видели ни строчки. Через несколько минут появился Серёжа — в том же издававшем виды плаще, с портфелем, — он мельком глянул на Дмитрия и двинулся к метро. Дмитрий пошёл следом, держа дистанцию, как учил его Виктор Иванович на одной из их встреч.

В метро было душно, как всегда в это время. Вагоны на-

биты до отказа: служащие с портфелями, женщины с авоськами, из которых торчали батоны и зелень, студенты с сумками, полными учебников. Пахло потом, резиной и дешёвой парфюмерией. Серёжа сел в конец вагона, Дмитрий — через три сиденья. Они не переглядывались, но Дмитрий краем глаза заметил, как Серёжа нервно теребит ремешок портфеля. Доехали до «Таганской», вышли, поднялись на поверхность. На площади было шумно — трамвай звенел, у ларька с мороженым выстроилась очередь, пахло бензином и нагретым асфальтом. Серёжа свернул во дворы, Дмитрий — за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.